

«Близнецы» с секретом

Лука Ронкони поставил спектакль о Стрелере и о себе

Известия. — 2001. — 18 июня. — С. 8

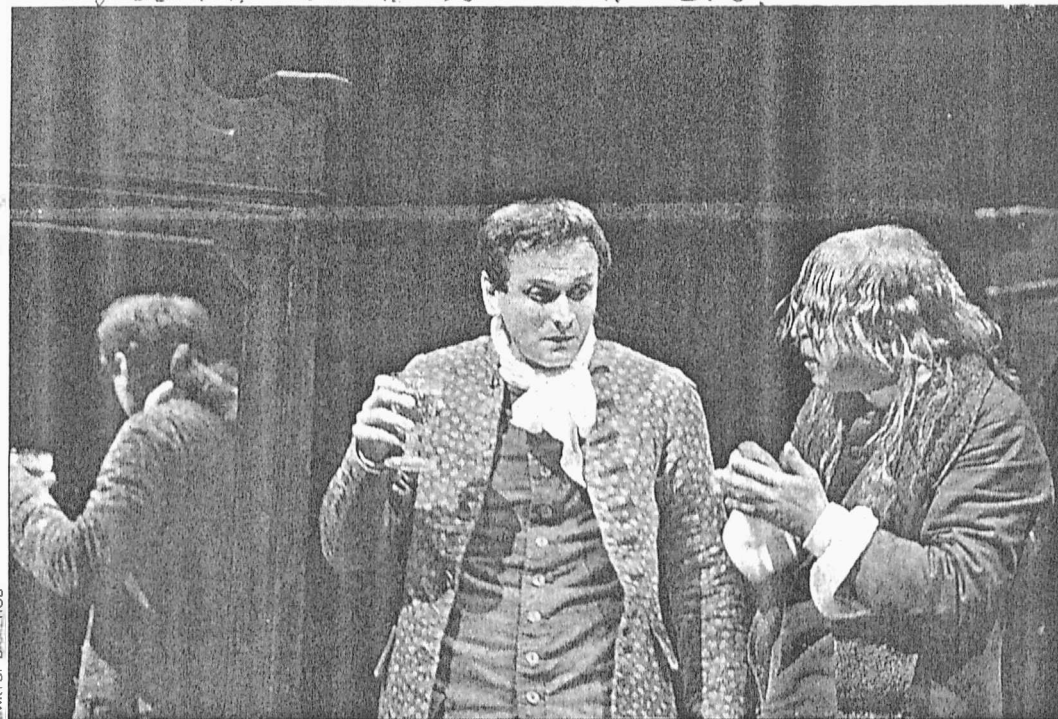
Лука Ронкони, возглавил Пикколо Театро ди Милано после знаменитого Джорджес Стрелера. В его «Венецианских близнецах» (пьеса Карло Гольдони), показанных на Театральной олимпиаде, влияние Стрелера заметно — по отношению к нему в первом и втором актах совершенно различно.

Они отличаются друг от друга так же, как герои спектакля, дурень Дзанетто и остроумец Тонино. В конце первого акта со спектакля хочется бежать (многие зрители так и сделали), ближе к финалу понимаешь, что Лука Ронкони очень непрост.

Алексей ФИЛИППОВ

Великолепная декорация, состоящая из нагромождения антикварных шкафов и зеркал, темное дерево, обманчиво множасьее пространство, ощущение старины и лабиринта, из которого непросто выбраться. Пострелеровски изысканные костюмы, стрелеровские интонации, стрелеровская сценическая красота (медленно загорается хрустальная люстра, ностальгически позвякивает клавесин) и совсем не стрелеровское ощущение занудства.

Пьеса рассказывает о любовных похождениях двух почти не знающих друг друга близнецов. Придурок собирается жениться по сватовству, умник увез из дома прекрасную девушку — их то и дело путают, рядом куролесит простака Арлекин, и похотливый ханжа Панкратио норовит умыкнуть чужую невесту и присвоить доверенные ему драгоценности. Во время первого акта кажется, что режиссер пунктуально и нудно переносит на сцену текст, а актеры играют,



«Венецианские близнецы». Режиссер — Лука Ронкони

используя все штампы провинциального театра столетней давности — они тужатся и пыжуются, рвут страсти и жмут, и начало спектакля может служить иллюстрацией к «Моей жизни в искусстве» К.С. Станиславского.

После него становится понятно, что бесило Константина Сергеевича на современной ему сцене и чего ради он пошел в режиссеры: актеры жестикулируют и кричат, действие тащится со скоростью черепахи, обычная публика следит за сюжетом, театральные люди потирают виски.

А во время второго акта спектакль оживает. Актеры работают почти так же, но в этом проглядывают и концепция, и стиль — дело в том, что они показывают

нам театр Гольдони, а не психологический театр. Массимо Полицию, играющий и простака, и остроумца, оказывается замечательным лицедеем, а сам Лука Ронкони обнаруживает на редкость изумерский юмор.

В финале он играет жанрами — ревнивец Панкратио отравил простака Дзанетто, и комедия положений превратилась в драму. А затем следует выдержанный в духе Стрелера финал — покойник выходит из своего захудала, и брат-близнец нежно обнимает его за шею... На этой трогательной и шемшишей ноте спектакль мог бы и завершиться; но тут остряк Тонино сообщает зрителям, что такой поворот событий весьма печален, но при этом не плох.

Теперь-то уж он встанет на ноги — надо только поехать в Бергамо и забрать причитающееся ему наследство.

Ради второго акта стоит выдержать первый, после последней сцены иначе воспринимается весь спектакль. Итальянские журналисты пишут, что у Луки Ронкони сложные отношения со стрелеровским наследием, после «Близнецов» это становится понятно и так. Он делает вид, что подражает мэтру, а на самом деле пародирует Стрелера — в его отношении к великому предшественнику почтение тесно сплетено с едкой иронией...

Но ответ на то, что представлял бы собой Лука Ронкони без витающей над сценой тени Стрелера, этот спектакль не дает.

ВИКТОР БАЖЕНОВ